

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ. ВИЗАНТИЯ НА ПУТЯХ В ИНДИЮ. ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ ВИЗАНТИИ С ВОСТОКОМ в IV—VI вв.

Издательство АН СССР, Москва — Ленинград, 1951

Рассматриваемая книга Н. В. Пигулевской тесно связана с ее предшествующими работами — «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.», «Византия и Иран на рубеже VI—VII веков» и рядом статей. В этих работах автор выдвигает чрезвычайно важную историческую проблему — вопрос о роли Византийской империи в социально-экономическом, политическом и культурном развитии народов Переднего Востока на рубеже античности и средневековья.

Тема рецензируемой книги ставит конкретный вопрос о торговых связях Византии с Индией и Китаем через Иран, Среднюю Азию, Аравию, Эфиопию. В книге рассматривается также и внутреннее положение этих стран (за исключением Индии и Китая), равно как и дипломатические связи между ними.

Эти вопросы, касающиеся жизни и развития народов, которые играли чрезвычайно важную роль в эпоху раннего средневековья, представляют огромную научную значимость. Но вопросы эти, как правило, лишь частично разрабатываются узкими специалистами-востоковедами и остаются чаще всего вне поля зрения не только историков-медиевистов, но даже византинистов. Именно поэтому важнейший исторический процесс — падение античного общества и становление общества средневекового, феодального — до сих пор рассматривается по большей части односторонне: либо на материале европейской истории, либо на изолированном восточном материале.

Рецензируемая книга Н. В. Пигулевской выгодно отличается от большинства работ, посвященных этой проблеме, тем, что автор изучает процесс ломки общественных отношений в Византийской империи в неразрывной связи с историей народов Востока. Книга основана на критическом анализе весьма широкого круга первоисточников — греческих, латинских, сирийских и арабских.

Первый большой раздел книги (стр. 1—95) посвящен Византии; здесь дана краткая, как говорит автор, «социальная характеристика» империи, основное же внимание сосредоточено на описании главным образом торговли и, в меньшей степени, производства. В основу раздела положен довольно известный латинский анонимный географический трактат, датированный IV в. н. э. — «*Expositio totius mundi*», позволяющий делать выводы об участии в торговле отдельных частей Римской империи IV в. Весьма краткие сообщения этого памятника дополняются данными Юстинианова кодекса и некоторыми другими первоисточниками. Автор констатирует наличие широко развитой внутренней торговли в Византийской империи; говорит об оживленной экономической и культурной жизни многочисленных крупных городов; отмечает наличие торгового кредита, связанного с крупными размерами морских торговых перевозок; характеризует законодательное регулирование торговли и кредита, особо останавливаясь на борьбе с частными монополиями; на основе законодательного материала автор констатирует развитие корпораций ремесленников и торговцев, причем подчеркнута закрепощающая деятельность государственной власти как во времена Феодосия I, так и при Юстиниане I.

Особое внимание посвящено торговле с восточными странами; на основании данных Псевдо-Каллисфенова романа об Александре, фрагментов

Филосторга, анонимного «Перипла Эритрейского моря» прослеживаются сношения Византии с Индией, проникновение сирийских купцов, поданных империи, в Аравию, на острова Красного моря, на западный берег Индии. Перечисляются многочисленные «заморские товары» и подробно рассматривается возникновение шелкового производства в Египте и Сирии; при этом книга содержит весьма интересные новые археологические данные о производстве в Египте IV в. художественных шелковых тканей. Подробно рассматривается автором государственное регулирование торговли шелком, которое, по его мнению, привело при Юстиниане к глубокому кризису в этой отрасли производства и нанесло большой ущерб государству. «Общая тенденция этого законодательства (Юстиниана. — А. Б.) прикреплять, закрепощать и усиливать формы рабовладения и прикрепления не могла не сказаться и в этом частном случае», — так заканчивает автор раздел о Византии (стр. 95).

Два остальных больших раздела книги названы: «Пути в Индию» и «Перепутье»; эти разделы занимают $\frac{4}{5}$ книги (стр. 99—409) и содержат ценнейшие и весьма подробные данные о развитии географических знаний, о великих и малых торговых путях, внутреннем положении и внешних сношениях Эфиопии (Абиссинии), Аравийских государств, Ирана, Средней Азии. Но прежде чем перейти к рассмотрению этих разделов, в которых проявилась эрудиция Н. В. Пигулевской как востоковеда, я хочу сделать ряд критических замечаний по первому разделу.

Прежде всего, хотя автор и приводит многочисленные конкретные данные о византийском городе и византийской торговле, все же он не ставит во всю ширь вопрос о роли товарного производства в древности, чрезмерно, на мой взгляд, подчеркивая «натуральность» хозяйства в ранней Византийской империи. Как известно, классики марксизма-ленинизма отнюдь не отрицали развития товарного производства древности, подчеркивая при этом то обстоятельство, что товарное производство существовало не только при капитализме.

Глубокий анализ вопроса об исторической роли товарного производства дает И. В. Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР». И. В. Сталин указывает: «Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства... Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишённые средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства... Нельзя рассматривать товарное производство, как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»¹.

При этом экономическое развитие восточных провинций Римской империи в IV—V вв. значительно отличалось от экономического развития большинства областей Запада (Италия, придунайские и прирейнские провинции): на Востоке в это время попрежнему крупную роль играли города и, в соответствии с этим, товарное производство. Наличие крупных

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.

городских центров и денежного хозяйства оказывало серьезное влияние и на сельскохозяйственную жизнь страны.

Поэтому мне представляется сомнительной та характеристика, которую мы находим на стр. 6 рецензируемой книги, где Н. В. Пигулевская пишет: «Доминирующая роль в истории этого переходного периода принадлежит отношениям, связанным с землей, с ее обработкой, с положением непосредственных производителей на земле». Мне кажется неправильным, что весьма краткая — лучше сказать, чрезмерно краткая — «социальная характеристика» Византии начинается с аграрных отношений и, так же как в любой работе, посвященной падению Западной Римской империи, сводится к изображению крупного землевладения (без выяснения специфических черт его разновидностей).

Далее, рисуя картину экономического кризиса, автор неоднократно подчеркивает факт полного разорения всех категорий непосредственных производителей. «Стихийные бедствия, — пишет Н. В. Пигулевская, — и тяжелые налоги приводили к тому, что непосредственные производители частью вымирали, частью покидали насиженные места и, убегая, пополняли ряды нищих и бродяг. Землевладельцы не могли выплачивать подати с таких обезлюдевших участков и тоже покидали их» (стр. 23). Общий итог такого положения к VI в. дается на стр. 24: «Тяжесть государственного налога и арендных взносов землевладельцам побуждала все категории (разрядка моя. — А. Б.) этого сельского населения бросать насиженные места и уходить. Государство боролось с этим, распространяя прикрепление на все большие группы и делая его все строже. Такой характер носила, в сущности, реакционная политика эпохи Юстиниана». Получается картина полного развала и паралича сельского хозяйства; спрашивается, как же могли существовать многочисленные и большие города Византийской империи, которым посвятил свое исследование автор? Зерно и хлеб были предметом широкой торговли; упоминаемая на этих же страницах аннона является яркой иллюстрацией наличия относительно очень больших масс товарного зерна, которое играло крупную роль в финансовой политике Византии, в частности во времена Юстиниана.

Разумеется, я вовсе не отрицаю факта глубокого и затяжного кризиса, охватившего производство ранней Византийской империи и обусловившего тяжелое положение трудовых масс, однако было бы неправильно сводить все экономическое развитие IV—VI вв. к одному только кризису. Дело не только в том, что аграрные отношения и положение непосредственных производителей были весьма различны в Египте и во Фракии, в Сирии и в Каппадокии, в Вифинии и в Галатии и т. д. (В частности, надписи IV в. из Малой Азии дают основание предполагать, что значительное число земледельцев, живших в больших деревнях и обладавших известной политической независимостью, не было закабалено государством и землевладельцем)¹. Автор как будто забывает, что именно в это время (IV—V вв.) шел процесс становления Византийской империи, складывался мощный политический организм, просуществовавший тысячелетие и в течение ряда столетий игравший огромную роль в экономическом, политическом и культурном развитии средневековья.

Период самой острой классовой борьбы не следует рассматривать как время полного распада общества.

¹ Ср. постановку вопроса у А. Р а н о в и ч. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949. Впрочем, в этой книге речь идет об азиатских провинциях несколько более раннего времени.

Мне кажется, здесь уместно будет вспомнить указания И. В. Сталина в его труде «Марксизм и вопросы языкознания», в которых подчеркиваются внутренние экономические связи в капиталистическом обществе, не позволяющие этому обществу распасться, какой бы острой ни была классовая борьба внутри него: «Конечно, неверно, что ввиду наличия ожесточённой классовой борьбы общество якобы распалось на классы, не связанные больше друг с другом экономически в одном обществе. Наоборот. Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики, как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своём распоряжении наёмных рабочих, пролетарии не могут продолжать своё существование, не нанимаясь к капиталистам. Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение всякого производства, прекращение же всякого производства ведёт к гибели общества, к гибели самих классов. Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества»¹.

Эти указания И. В. Сталина можно, мне кажется, отнести ко всякому классовому обществу, учитывая, при этом, конечно, специфику производственных отношений. В рассматриваемом случае тесные экономические связи между трудовой земледельческой массой, непосредственными производителями, и другими классами византийского общества налицо, точно так же, как и связи города и деревни. Изображаемая в книге картина полного распада экономических связей равнозначна по существу полному прекращению производства и поэтому не может быть принята.

Можно ли утверждать, как это делает автор, что земледельческие массы работали только в результате административно-полицейского принуждения государства? Ведь это значит предполагать столь исключительную мощь и действенность государственного централизованного аппарата, которую невозможно представить в условиях глубокого кризиса всей общественной формации и которой, конечно, не существовало реально, особенно в IV—V вв. Стоит только вспомнить ту ожесточенную сепаратистскую борьбу в Сирии и Египте, право на которую в известной мере формально признавалось фактом созывов вселенских церковных соборов. Эти соображения говорят о том, что в характеристике византийской империи автором допущены сильнейшие преувеличения моментов социально-экономического распада империи.

И это тем более обидно, что дающаяся Н. В. Пигулевской общая социально-экономическая характеристика Византийской империи находится в несомненном противоречии с основным содержанием ее книги, являющейся ценным исследованием первоисточников по восточной торговле Византии.

Переходя к характеристике этих первоисточников, автор пишет, что в существующей литературе экономическая характеристика, «как правило, получала заголовок «падение» или «закат» империи и далее состояла из данных, указывающих на ее плачевное положение, разложение, разорение, данных, почерпнутых из многоречивых жалоб разорявшихся собственников латифундий — рабовладельцев» (стр. 33). Из этой цитаты явствует, что автор считает эти сообщения первоисточников классово-пристрастными, искажающими действительность; через две строчки автор подтверждает это заключение: «Для того же периода имеются материалы, на основании которых можно говорить об экономической стойкости восточной части империи». Автор указывает на соответствующий разнообразный материал

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 19.

первоисточников, свидетельствующих «о богатстве, военной и экономической мощи восточных областей империи в IV—VI вв.». Далее говорится о большом развитии торговли, о том, что «Константинополь приобрел положение мирового рынка, центра, куда сходились пути материков и морей. Оживленные торговые сношения и экономическое процветание восточной части империи подтверждаются памятником IV в., подлинность которого и дата не подвергаются сомнению» (стр. 34). Этим общим установкам вполне соответствует дальнейшее содержание книги. Полагаю, что «экономическое процветание восточной части империи» плохо увязывается с одновременно полным развалом основной (для автора) экономической базы этой империи — сельским хозяйством.

Это противоречие в главных положениях книги неразрывно связано с неясностью основного положения автора о натуральном хозяйстве, которое выдвигается в качестве определяющего признака экономики ранней Византии, как на это было уже указано выше. Автор постоянно говорит о господстве натурального хозяйства, хотя и признает «известное развитие денежных отношений» (стр. 45). Эта характеристика кажется мне неясной, противоречивой. Действительно, «натуральное хозяйство» предполагает весьма ограниченный обмен, обмен предметами роскоши в интересах узкой господствующей верхушки, слабое разделение труда между городом и деревней и, соответственно, крайне слабое развитие города как экономического центра.

При таком «натуральном хозяйстве» сельское хозяйство, конечно, является основной и господствующей областью производства. Но как сам автор выясняет в своем исследовании, многочисленные города Византийской империи были высокоразвитыми центрами ремесленного производства и торговли; торговля при этом охватывала весьма обширный круг товаров, среди которых предметы широкого, массового потребления занимали видное место; автор приводит данные из «*Expositio totius mundi*», из которых явствует, что «сельскохозяйственные продукты изобильно получались из провинции Азии. . . Автор (*Expositio*. — А. Б.) сам посещал эту провинцию и не находит слов, чтобы достаточно полно охарактеризовать ее благосостояние. В ней в избытке имелось вино, масло, ячмень, полба. . .» (стр. 43—44). На стр. 45 говорится, что «исключительное плодородие делало Египет главным поставщиком хлеба для восточных областей империи, особенно во время войн с персами». Говоря о ранневизантийских итинерариях, географических трактатах и картах, давая им весьма яркую источниковедческую оценку, Н. В. Пигулевская указывает на ту социальную среду, из которой вышла эта литература: это «широкие круги городского ремесленного населения», наиболее зажиточная часть которого участвовала в оптовой торговле, это «многочисленные перекупщики и посредники, которые приобретали сырье и перепродавали его ремесленникам и хозяевам мастерских, у которых они, в свою очередь, перекупали готовые изделия и увозили на продажу». Но в торговле были заинтересованы и «землевладельцы, имевшие крупные имения и недвижимую собственность», которые «наживались на торговле хлебом и сельскохозяйственными продуктами» (стр. 127). В другом месте (стр. 63) автор приводит интересные данные патристической литературы об участии в торговле широких сельских масс: «Наряду с торговлей в больших городах империи. . . местом торговли были и небольшие областные города и селения. Сюда крестьяне привозили сельскохозяйственные продукты, продавали или обменивали их на необходимые им предметы обихода, одежду. Продажа на небольших ярмарках одежды была обычной. Покупавшим одежду на рынке случалось тут же бросать изношенное платье, — лохмотья, которые подбирались нищими».

Подобными красочными данными первоисточников, характеризующими широкое развитие византийской торговли и глубокий охват ею всех слоев населения, исследование Н. В. Пигулевской изобилует. В этом его большая ценность.

Характеристика развития городов в ранней Византийской империи которую мы находим в рецензируемой книге, отличается некоторой двойственностью: в общей, более чем краткой, социально-экономической характеристике империи городам уделено слишком мало внимания, гораздо меньше, чем аграрным отношениям. Здесь экономическое содержание ранневизантийского города и его место в экономике эпохи, в сущности, совершенно не охарактеризованы. Вместе с тем сильно преувеличена политика закрепощения городских торгово-ремесленных корпораций. Ведь надо иметь в виду, что содержащиеся в XI книге Кодекса Юстиниана постановления говорят о прикреплении к ремесленной профессии¹ лишь по отношению к некоторым специальностям, причем в этих постановлениях речь идет не только об обязанностях, но и о правах, даже о привилегиях; это последнее относится к навикуляриям, аргиропратам, медикам и некоторым другим — в частности к представителям свободных профессий; в одном случае предусматривается даже возможность вступления в ремесленную корпорацию с целью уклонения от обязанностей декуриона (ст. XI, 10. 4). Надо также подчеркнуть, что все эти постановления относятся к концу III—V вв.; нет ни одного, относящегося ко времени Юстиниана; а на основании нескольких новелл Юстиниана можно думать, что и характер эксплуатации ремесленного труда в то время существенно отличался от традиционных представлений о закрепощении корпораций.

Особенно настойчиво обвиняет автор в реакционной, закрепощающей, усиливающей «формы рабовладения и прикрепления» политике Юстиниана I. Но, во-первых, рабовладение и «прикрепление» — совершенно разные виды классового угнетения, так как прикрепление свойственно преимущественно феодальному обществу, в обществе же рабовладельческом прикрепление означает разложение этого общества и переход к феодальной эксплуатации; во-вторых, — и это главное, — и законодательные памятники Юстиниана, и нарративные первоисточники, и политические трактаты того времени не позволяют столь просто определить сложную, многообразную политику Юстиниана. В статьях «Кодекса», принадлежащих самому Юстиниану, и в его «Новеллах» скорее проступает обратная тенденция, именно тенденция к ограничению крепостнических форм эксплуатации земледельческих масс (см., например, ст. XI, 48. *De agricolis censitis vel colonis*).

Автор обходит вопрос о классовом содержании этой политики; может создаться впечатление, что в посвященных Византии главах подчеркивается стремление Юстиниана к личному обогащению, как определяющий фактор его политики; на стр. 65, говоря о борьбе императора с попытками купцов создавать себе монопольное положение на рынке, автор пишет: «Такого рода частные попытки к захвату монополий и послужили примером для Юстиниана, который стремился обогатить свою личную (разрядка моя. — А. Б.) казну именно таким путем». Совершенно такую же оценку финансовой политики Юстиниана дает Прокопий Кесарийский в своей знаменитой «Тайной истории». Да и в ряде других мест раздела о Византии Н. В. Пигулевская следует Прокопию в оценках деятельности Юстиниана. Вряд ли нужно доказывать на страницах «Византийского Временника», что «Тайная история» представляет собой крайне тенденциозный исторический

¹ CJ. XI, 3, 8; 10; 16—19. См. также характерный указ CJ. X, 66.

источник, проводящий классовую тенденцию родовитой знати; данные этого источника надлежит подвергать самой острой критике.

И разве политика монополий в Византийской империи была случайным фактом, связанным с личностью того или другого императора? Монополии были существенным признаком государственного хозяйства Византии, так что в главе об организации византийской торговли монополиям следовало бы посвятить гораздо больше внимания, во всяком случае четко констатировать их наличие и в связи с этим сделать выводы о характере византийской экономики. Вряд ли можно считать государственные монополии времен Юстиниана главной причиной разорения трудовых масс, как это изображается в «Тайной истории» и как это повторялось и повторяется всеми буржуазными историками. Да и само это разорение преувеличено и Прокопием и его современными последователями. Во всяком случае, существование анноны, наличие ведомства снабжения продовольствием крупных городов и основанная на этом широкая финансовая политика вряд ли допускают столь упрощенную характеристику системы монополий. Между тем автор фактически даже не упоминает о государственных монополиях, если не считать приведенной нами фразы о «личной казне» Юстиниана.

Слишком бегло останавливается автор в своей общей характеристике города на его внутренней, социальной и политической организации; слишком неопределенна, с одной стороны, характеристика демов — «организованный народ» — и, с другой стороны, слишком решительна квалификация «голубых», как организации «аристократических» демов, «зеленых» — как торгово-ремесленных; очень жаль, что в своей общей характеристике демов и организации гражданского населения автор не пользуется им же самим приведенным в другом месте книги интереснейшим материалом из «Законов хемьяритов»; этот материал не был использован и в статье А. П. Дьяконова¹ о демах и факциях, цитируемой автором. Автор совершенно не упоминает о, так сказать, общеимперской роли демов, о демах в сотнях городов Византийской империи, о политической роли этих массовых организаций городского населения, поддерживавших между собою, повидимому, известную связь; в беглой характеристике автора демы и факции связываются только с Константинополем. Таким образом, дающаяся в книге общая характеристика византийского города явно недостаточна.

Однако эту характеристику дополняют конкретные данные, рассеянные по другим разделам книги; это — сведения о широком развитии торговли, упоминания о многочисленных и крупных торговых городах, находившихся, например, в восточных областях империи, как Эдесса, являвшаяся и крупным культурным центром.

Весьма ценным представляется указание Н. В. Пигулевской на связь византийских городов с историческим наследием эллинистической эпохи: «Византийские города, особенно Константинополь и древние столицы эллинистических государств, как Александрия, Афины, Коринф, Эдесса, жили традициями эллинистических городов... Вся структура города, его план, памятники материальной культуры находились в неразрывной связи с их историческим наследием» (стр. 27). Но этот показ богатого материала фактических данных, которыми располагает автор, к сожалению, не увязан с дающейся им общей характеристикой византийского города.

¹ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (τὰ μέρη) V—VII вв. В сб., М.—Л., 1945, стр. 144—227.

Из всего содержания книги, а не только из раздела о Византии, явствует, что экономической и политической основой выраставшей империи был город, городское ремесло, городская торговля. И все же автор как-то не учитывает всей массы византийских городов, густой сетью покрывавших большинство византийских областей; напомним хотя бы данные Георгия Кипрского, перечисляющего около тысячи городов. Укажу на то, что эпиграфические данные из Малой Азии дают основание считать, что в какой-то мере и сельские массы располагали своим местным самоуправлением, сходным с органами городского самоуправления.

Эти соображения подводят нас к рассмотрению той характеристики классовой структуры ранней Византии, какую мы встречаем в книге. Автор неоднократно характеризует византийское общество не только IV, но и VI в. как разлагавшееся рабовладельческое общество, развитие которого приводило одновременно к усилению и рабовладения и прикрепления, закрепощения трудовых масс. Как утверждает Н. В. Пигулевская, в VII в. бурное революционное движение совместно со славянским и арабским завоеванием привели к тому, что «формы эксплуатации изменились, податная система и способы обложения приняли другой вид. Рабство и колонат уступили свое место крепостной форме эксплуатации, совершался переход к феодальной формации» (стр. 25). Эти общие положения автора вызывают ряд недоумений; разве колонат не есть «крепостная форма эксплуатации»? Разве рабство во времена Юстиниана и рабство в Римской империи одинаково характеризуют классовую структуру того и другого общества? Безоговорочно называть раннюю Византию рабовладельческим обществом значит допускать большую неточность определений. Роль рабовладения в экономике и классовом строе ранней Византии изучена еще недостаточно. Но и сейчас можно с уверенностью сказать, что эта роль отнюдь не была ведущей ни в сельском хозяйстве, ни, как показывают законодательные памятники и эпиграфические материалы, в городском ремесле. Да и положение рабской массы в ранней Византии было существенно иным, нежели в Римской империи.

Далее, «рабство и колонат» сменились в истории Византийской империи не крепостной формой эксплуатации, а, как известно, преобладанием свободной крестьянской общины.

Закрепощенные крестьяне, «парики», начинают играть заметную, хотя и не преобладающую роль в византийской деревне не ранее конца IX в. Между тем на стр. 17—18 в книге говорится о «наличии в V—VI вв. сидящих на монастырской, церковной или епископской земле париков». При этом все данные, которыми располагает автор по этому вопросу, ограничиваются одним термином, встречающимся в сирийских хрониках, но методическая допустимость такого приема аргументации в данном случае вызывает большие сомнения.

Мне кажется, что дающаяся Н. В. Пигулевской общая характеристика классовой структуры ранней Византии страдает существенными внутренними противоречиями и не является поэтому достаточно убедительной.

В ранневизантийской деревне IV—VI вв. происходили существенные изменения в характере производственных отношений. Если и раньше рабский труд уступал место труду колонов (зависимость которых была отнюдь не единообразной), то теперь на византийских территориях этот процесс продолжался; в огне острых классовых противоречий, в революционной борьбе масс византийская деревня теряла свои рабовладельческие черты. Но понять этот процесс, так же как и классовую структуру ранней Византии в целом, можно только в полной мере учтя ведущую роль ее больших городов в развитии Византии этого периода.

Каков был классовый облик этих многочисленных городов? Н. В. Пигулевская во многих местах книги сосредоточивает внимание на городских массах, указывает на их большую экономическую и политическую активность, на социальную дифференцированность этих масс, проявляющуюся и в их культурном облике; при этом автор справедливо нигде не квалифицирует эти массы как массы рабовладельческого города. В цитированном уже месте книги (стр. 127) дается очень удачная характеристика социального состава слоев городского населения, занятых в ремесле и торговле и составляющих значительное его большинство. Здесь рабы не упоминаются вовсе — и совершенно правильно. Эксплуатация рабского труда в ремесленном производстве ранневизантийского города должна была играть лишь незначительную роль.

И если ранневизантийский город внешне сохранял в значительной мере античный облик, то общественные отношения в нем, равно как и его административно-политический быт, существенно изменились. Новая общественно-политическая организация была поставлена на службу государственному аппарату и христианской церкви — одному из его наиболее мощных рычагов. Таким образом, в согласии с приводимыми в книге данными, мы можем сказать, что ранневизантийский город переживал тот переходный период от античного рабовладельческого общества к обществу феодальному, который между V и VIII вв. пережили также и народы Западной Европы; но на Западе этот процесс развивался только в сельском хозяйстве и аграрных отношениях, ибо город на Западе в этот период перестал существовать.

Этот основной факт определил своеобразие процесса феодализации Византийской империи. Но если процесс феодализации западноевропейской деревни интенсивно изучался и изучается, то основная, с нашей точки зрения, проблема феодализации византийского города, проблема взаимосвязи его с феодализирующейся деревней, даже и не ставилась.

Социальная и экономическая характеристика Византии в книге Н. В. Пигулевской может, как видим, вызвать возражения и недоумения; тем более необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что рассматриваемое исследование в целом является первым опытом конкретного показа экономических связей ранней Византийской империи со Средней Азией, Индией, Ираном, Аравией и Восточной Африкой. В этом заслуга Н. В. Пигулевской.

Естественно, что автору исследования, пролагающего новые пути в мало изученной области истории, прежде всего приходится останавливаться на источниковедческих вопросах. Во втором разделе книги «Пути в Индию» автор дает тщательный анализ так называемой «*Tabula Peutingeriana*», которую в книге, вопреки установившемуся словоупотреблению и, как мне кажется, без достаточных оснований, автор называет «Картой Каптория». Анализ «Карты» дает возможность установить наличие трех постоянных сухопутных дорог из Ирана в Индию, причем одна из них шла через Среднюю Азию и Афганистан. Таким образом, выясняется руководящее положение, которое занимал Иран в сухопутной торговле с Индией. В связи с этим исследованием «Карты» автор показывает многообразные и тесные связи Византии со Средней Азией. Далее автор подвергает анализу мало использованный в существующей научной литературе краткий анонимный греческий текст географического содержания — «Подорожные от района Эдема до ромеев», причем автор изучил и впервые опубликовал в данной работе одну из рукописей «Подорожных», хранящуюся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Сопоставление «Подорожных» с латинским географическим трактатом IV в. «*Expositio totius mundi*»

позволяет сделать в книге ряд уточнений в географических названиях Индии.

Наибольшее внимание автор посвящает известному трактату середины VI в. — «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова. Анализ этого памятника дает возможность Н. В. Пигулевской ввести читателя в круг религиозной и политической борьбы и культурных интересов эпохи. Автор показывает, как торговые интересы и связи приводили к расширению географических знаний в ранней Византии; при этом, подчеркивая осведомленность в географии Косьмы Индикоплова и точность сообщаемых им сведений о положении Индии и Китая, автор обращает внимание на противоречие этих конкретных знаний и глубоко реакционных представлений Косьмы об устройстве вселенной, обусловленных воздействием христианской идеологии.

Этот источниковедческий анализ является бесспорным вкладом в изучение географических сочинений поздней античности и ранней Византии, тем более что в последующих главах проанализированные первоисточники используются для весьма ценных заключений о торговых связях Византии с Индией.

Однако, с точки зрения историка античности, оценка и даже самая характеристика географических представлений Косьмы Индикоплова представляется неполной и поэтому неточной; в этой характеристике автор совершенно не связывает географических интересов и знаний Косьмы с античной географической наукой, хотя и указывает на широкую начитанность его в античной литературе. В книге довольно много говорится об интересах к античной географии и астрономии у ряда писателей и деятелей, которые поддерживали непосредственные связи с Косьмой. Если несторианские взгляды Косьмы и можно связать с его отрицанием системы Птолемея, то, с другой стороны, влияние Птолемея обуславливало географические интересы и, в частности, трактовку размеров земной суши. Этим вопросом истории науки следовало бы заняться подробнее, поскольку облик Косьмы Индикоплова представляет большой интерес для характеристики культуры изучаемой эпохи.

Последующие главы второго раздела книги рисуют, так же как и весь третий раздел, широкую картину экономических, политических и культурных связей Византии с Индией, Аравией, Африкой, Ираном, Средней Азией, Закавказьем и Северным Кавказом. В главе «Гавани и товары» подробно прослеживаются торговые пути, главным образом морские — из Средиземного моря через Египет и «Барбарию» (современное Сомали) в Эфиопию (Абиссинию); рассматривается вывоз отсюда слоновой кости и благовоний, золота и драгоценных камней; весьма интересно указание на то, что ввоз в Эфиопию составляли железо, соль и туши быков.

С другой стороны, данные Косьмы Индикоплова используются для характеристики постоянных торговых связей Византии с западным берегом Индостана, причем особенно интересны сведения о своего рода колонизационной экспансии сюда сирийцев.

В главе «Караванные дороги» и «Торговля шелком» автор дает сжатую, но содержательную сводку сведений о трех основных направлениях византийской сухопутной торговли с Востоком. Особенно свежим и интересным материалом, использованным здесь, является *Excerpta Menandra*, наряду с которыми привлечены археологические данные для характеристики экономики и культуры Средней Азии, в частности Согдианы и Хорезма. Согды правильно обрисованы автором как высокоразвитый, культурный народ, освоивший производство шелка и ценных шерстяных тканей,

народ, владевший своей письменностью, находившийся в оживленном общении с окружающими странами.

Автор показывает, весьма удачно привлекая данные Менандра, наличие прочных связей народов Средней Азии с Византией, с одной стороны, и с Ираном — с другой; вместе с тем из изложения автора видно, что Византия в этих отношениях занимала преобладающее положение.

Весьма интересно показана в рассматриваемой главе Средняя Азия, как сложный узел международных отношений, в центре которых были взаимоотношения Ирана и Византии.

Третий и самый большой раздел книги — «Перепутье» — посвящен характеристике источников по истории Южной Аравии IV—VI вв., рассмотрению ее внутреннего развития и взаимоотношений с Византией и Ираном. Характеризуя этот раздел, основанный на использовании главным образом мало изученных арабских первоисточников, следует оговориться, что этот раздел предполагает у рецензента специальные знания востоковеда, тогда как автор настоящей рецензии ими не обладает. Но третий раздел книги содержит материал и суждения по вопросам, непосредственно связанным с Византией и античной историей, что вызывает живой интерес и отклик и у историка, не являющегося востоковедом.

Уже характеристика источников вводит читателя в сферу политических и культурных связей Византии с Иеменом и Эфиопией (Абиссинией); особо надо указать на широкое использование в книге домусульманских арабских надписей Иемена, являющихся драгоценным первоисточником.

Н. В. Пигулевская дает тонкий анализ связей между этими многочисленными и многообразными источниками, в результате которого у читателя возникает ясное представление о чрезвычайно важных культурных связях между Византией и странами Передней Азии.

Глава «Эфиопия и Химьяр в V—VI вв. н. э.» показывает взаимоотношения обеих этих недостаточно изученных, но весьма важных культурных стран на фоне их связей с Византийской империей: Эфиопия была политической и торговой базой Византии в ее сношениях с Иеменом (Химьяром) и Индией через Химьяр. В связи с этим Византия закрепила свое влияние в Аксуме (Эфиопии), содействуя распространению там христианства, превратившегося в государственную религию Эфиопии. При этом опорным пунктом для проникновения в Аксум был для византийцев Египет. Но Аксум, владея африканским берегом Красного моря, имел и свои собственные интересы в Иемене, отстоявшем от Аксума всего на ширину Баб-эль-Мандебского пролива.

Далее в этой главе автор подробно останавливается на внутренней борьбе в Химьяре, принявшей форму борьбы религиозной, главным образом между иудейством и христианством, и отражавшей влияние в Химьяре внешних сил Византии и Ирана. Как показывает автор, главную роль в жизни Химьяра VI в. играла Византия, осуществлявшая свои цели с помощью Аксума.

Эта глава книги, так же как и последняя, «Общественные отношения в Неджране в начале VI в.», представляет большой интерес. Удачно сведены показания первоисточников о глубоком проникновении в Аравию византийского влияния; интересны в этом отношении подробные данные о постройке византийскими мастерами в столице Иемена Санаа роскошного христианского храма, так же как и другого храма, возведенного там же в Иемене — в Марибе. Не меньший интерес представляет изучение длительного правления в Иемене Абрахи, его политики, направленной на объединение всех арабских племен на основе их христианизации.

Общественным отношениям южной Аравии посвящена последняя глава третьего раздела книги, основанная на широком привлечении первоисточников. Однако в характеристике этих общественных отношений нет необходимой четкости. В начале раздела автор указывает, что в основе общественных отношений Неджрана лежали отношения родовые. «В городах южной Аравии, где оседлая и культурная жизнь дала новые формы общественных отношений, родовые связи и значение рода оставались в силе, но приобрели и новые черты» (стр. 338). Автор подчеркивает выделение значительных родов, обладавших большими богатствами, приводя в качестве красочной иллюстрации рассказ о деятельности знатной женщины Румы, принадлежавшей к роду Гау; Рума обладала огромным по тем временам денежным состоянием, вела ростовщические операции, владела многочисленными рабами.

Эти влиятельные роды образовали господствующий слой «свободных» (этот термин в арабском языке того времени означал «благородные»). «Благородные» принадлежали к господствующему классу, из которого выделялся высший, особенно состоятельный слой знати. Их положение должно быть охарактеризовано особо. Городские жители — «горожане» и «ремесленники», разделенные (?) в перечислении земледельцами (γεωργοί), принадлежали к эксплуатируемым средним и низшим слоям общества, которые составляли опору благосостояния знати и «благородных». «Ремесленники (χειροτεχνοί) в социальной иерархии стояли на одну ступень выше рабов» (стр. 348—349). Различные группы сельского населения составляли «общины свободных оседлых земледельцев», руками которых велось садовое хозяйство и поддерживались ирригационные сооружения. «Эти общины не утерjali своего родового единства...» (стр. 349).

В то же время автор считает, что рабовладение и работорговля имели большое значение в экономике Неджрана; в частности, автор отмечает большую роль эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве. Н. В. Пигулевская показывает, что в Неджране достигла значительного развития частная собственность на землю, причем часть земель оставалась в коллективном владении племен. Ссылаясь и на археологические данные, автор указывает на наличие многочисленных городов и укрепленных поселений, к которым тяготели сельские округа; таким образом в Неджране уже совершилось отделение рабовладельческого города от деревни. «Оседлое население Йемена, с запамятных библейских времен осевшее в городах, на земле, приносившей плоды при условии искусственного орошения, имело государственное устройство и развитые формы общественных отношений» (стр. 359).

Эта характеристика, как и другие, приведенные выше, говорят о рабовладельческом строе в городах Неджрана, где родовые отношения могли существовать лишь в виде общественных реликтов, как это было, например, в классической Греции. Между тем, автор настаивает на определяющей роли именно родовых отношений, говорит о мощности родовых организаций, о том, что оседлое население и жители городов сохраняли большие семьи, сохраняли свой быт, оставаясь верными связям кровного родства (стр. 338 и др.). Таким образом, автор сближает родовую строй кочевников с развитыми общественными отношениями рабовладельческого города. Эти утверждения остаются непонятными, поскольку автор никак не поясняет возможности сосуществования и родовых и развитых рабовладельческих отношений у арабов.

Южно-арабский род характеризуется на основании показаний первоисточников как большая семья, состоящая из отца, сыновей, братьев отца и племянников. Но это говорит лишь о сильной семейной организации,

которая свидетельствует о распаде родового строя, а не о его жизненности и определяющем влиянии, как хочет показать автор.

Весьма интересно характеризуется государственная организация Имена опиравшаяся на землевладельческую знать, хотя в управлении принимала участие земледельческая масса. Эта двойственность выражается в наличии двух «советов»; один из них «мисвад» — совет знати, «который стоит рядом с царем и одновременно его ограничивает. Такое собрание представляет не что иное, как совет (βουλή) греческих городов»; другой совет — «табнан»: «... земледельцы, входившие в «табнан» являлись представителями главной массы племени, из которой в особую группу выделялись «господа», составлявшие «мисвад»» (стр. 370—371). В таком порядке «табнан» противопоставлялся «мисваду». Однако у меня вызывает сомнения сопоставление «мисвада» с βουλή; эта последняя являлась типичным органом власти рабовладельческой демократии классической Греции, и даже для эллинистического города характеристика βουλή, как представительства знати при царе, была бы неверной.

Также неудачными нужно признать сопоставления государственной собственности на землю в Химьяре и в Греции: «... явлениям, охарактеризованным в южной Аравии, параллелью могут служить правовые нормы классического периода древней Греции и эллинистических государств. Земля, как собственность города-государства, государственная собственность на землю, как правовая норма, пережили длинную эволюцию, в течение которой совершались изменения в формах собственности на землю. В связи с этим она получала новые наименования и их различные варианты: γῆ βασιλική, γῆ κληρουσικῆ» (стр. 375—376). В этих общих фразах совершенно отсутствует конкретная характеристика поземельных отношений в классической Греции, так что непонятно, вариантами каких более ранних форм являлись приводимые автором для сопоставления категории земельных отношений в птолемеевском Египте. К тому же, и это надо подчеркнуть, аналогия Химьяра с эллинистическим Египтом, которая проводится в конце той же страницы книги, в связи с освоением городами новых земельных территорий, совершенно неправомерна, так как в Египте городов-полисов, за исключением Александрии и Птолемаиды, как известно, не существовало.

В связи с этими аналогиями с уже разлагающимися рабовладельческими государствами хочется еще раз спросить автора, как он мыслит сосуществование в Неджране развитого родового строя с еще более развитыми рабовладельческими отношениями?

Перед нами крупное научное исследование, ставящее на основе глубокого использования широкого круга первоисточников вопрос об экономическом базисе ранней Византийской империи, об ее экономических, политических и культурных связях с отдаленными странами Азии и Африки. Высокий интерес представляет развернутая социальная и политическая характеристика южной Аравии, весьма важного района, который, однако, до сих пор ускользал от внимания историков, помимо узкого круга семитологов. Вообще основная задача книги, изучение византийских путей в Индию и тех стран, через которые этот путь пролегал, автором разрешается весьма интересно, но, как явствует из вышеизложенного, требует коррективов и, конечно, дальнейшего продолжения.

А. Бергер